

Анастасия Фисун
(Краснодар)

ПЛАТОНОВ КАК ОЗНАЧАЕМОЕ И ОЗНАЧАЮЩЕЕ

(платоновский текст в романах «Воскрешение Лазаря» В. Шарова и «Голубое сало» В. Сорокина)

В статье на примере романов В. Шарова и В. Сорокина анализируются авторские стратегии использования платоновского текста. Акцентируя внимание на разных сторонах пре-текста (содержании и форме), авторы актуализируют его, с одной стороны, наращивая смысл (В. Шаров), с другой, через деконструкцию освобождая платоновский текст от штампов читательского восприятия (В. Сорокин).

Ключевые слова: А. Платонов, платоновский текст, В. Шаров, В. Сорокин, деконструкция, демифологизация, означаемое, означающее.

The article provides analysis of some author methods of using Platonov's text, basing on the poems by V.Sharov and V.Sorokin. These authors are actualizing the text, paying attention to the different sides of pre-text (the content and the form). V.Sharov is adding up to the meaning of it, while V.Sorokin is saving Platonov's text from reader's cliched understanding by deconstructing it.

Key words: A. Platonov, Platonov's text, V. Sharov, V. Sorokin, deconstruction, demythologization, signifier, denotation.

*Каким литературным направлениям сочувствуете или принадлежите
никаким, имею свое
(А. Платонов. Из анкеты Всероссийского
съезда пролетарских писателей) [4]*

В двух произведениях, вышедших в России в конце 90-х – начале 2000-х гг., платоновский текст является важной частью структуры: в романе «Воскрешение Лазаря» (2002 г.) Владимира Шарова творчество Платонова становится «проводником» в советскую действительность первой половины XX в., в «Голубом сале» (1999 г.) Владимира Сорокина плато-

новский текст предстает в качестве объекта деконструкции, посредством которого создается новый текст-клон. Поиск причин обращения писателей к творчеству Платонова и анализ авторских стратегий репрезентации и интерпретации платоновского текста и составят основу данного исследования. Под платоновским текстом мы будем подразумевать комплекс концептуальных, сюжетных, языковых особенностей, присущих всему творчеству А. Платонова, а также образ самого автора.

Стратегия Шарова предполагает наращение смысла претекста, акцент ставится на идейном содержании платоновского творчества, художественного и публицистического. Шаров обращается к платоновскому тексту как к единственному объяснению советского периода жизни страны («на всю первую половину русского XX века я давно уже смотрю через Платонова и понимаю ее в первую очередь благодаря ему» [12]). Обоснование онтологической функции и философии народа (одной из ключевых тем романа) писатель дает через комментарий библейский и литературоведческий, он цитирует собственный текст о народе Андрея Платонова, включенный в состав второго тома «Литературной матрицы» и вышедший в виде отдельной статьи в журнале «Знамя» [12]. По замечаниям Шарова, главный герой произведений Платонова – народ, живущий не по законам культуры, обычаев и традиций, а по законам Бога. Это люди, чья плоть слабеет с каждым часом, а вера в избавление растет, они готовы предстать перед Господом в любую минуту и довериться любому «пророкам», обещающим новый мир («Это явно страна людей, которые уже изготовились к смерти, которые ее совсем не боятся и совсем не ценят жизнь. И их долго, очень долго надо будет уговаривать жить, не умирать. Хотя бы попробовать жить» [12]). Можно сказать, что весь идейный конструкт романа «Воскрешение Лазаря» базируется на понимании народа А. Платонова и на двух платоновских цитатах, приведем их полностью:

«Лежали у заборов в уюте лопухов бывшие приказчики и сокращенные служащие и шептались про лето Господне, про тысячелетнее царство Христово, про *будущий покой освещенной страданиями земли*, – такие беседы были необходимы, чтобы *кратко пройти по адову дну коммунизма*» [7, с. 277] (здесь и далее курсив наш. – А. Ф.).

«Пролетарий не должен бояться стать убийцей и преступником и должен обрести в себе силу к этому. *Без зла и преступления ни к чему в мире не дойдешь и умножишь зло*, если сам не решишься сделать зло разом за всех и этим кончить его» (из статьи «Коммунизм и сердце человека» [5], цит. по: [9, с. 481]).

Действие романа «Воскрешение Лазаря» разворачивается в двух пространственно-временных пластах: наше время – письма главного героя дочери и 20 – 30-е гг. XX в. – события, восстанавливаемые по архиву Николая Кульбарсова. В произведении стараются воскресить сразу трех Лазарей: отца главного героя, наркома путей сообщения Л. Кагановича (единственный воскрешенный в романе Лазарь) и русский народ, предстающий в образе смердящего Лазаря, умерщвленного отменой крепостничества, которая заставила его забыть о духе и встать на путь стяжательства и заботы о плоти. Главная движущая сила романа Владимира Шарова – идея воскрешения отцов, основа учения Н. Ф. Фёдорова о всеобщем спасении, братском единении людей, изданного учениками мыслителя под названием «Философия общего дела». Некоторые идеи представлены не в чистом виде, они опосредованы, в понимании сущности и возможности объединения людей и приближения Царства Небесного Шаров идет вслед за Платоновым, воспринимая через него философское учение.

Фёдоров говорит о необходимости братского союза людей в борьбе со смертью: «Пред лицом космической силы умолкают все интересы, личные, сословные, народные, один только интерес не забывается, интерес, общий всем людям, т. е. всем смертным...» [10, с. 373]. Приход советской власти, Гражданская война, еще большее разобщение народа, внесли свои коррективы в восприятие и осуществление фёдоровского учения. Герои Шарова, как и Платонов, отрицают возможность братского единения людей: невозможно без жертв и страданий построить новый мир. Непримируемость и резкое неприятие буржуазии проявляется и в художественном, и в публицистическом творчестве Платонова: «Нельзя переделать землю, нельзя родить нового человека вместе с буржуазной ордой. Для осуществления коммунизма необходимо полное, поголовное истребление живой базы капитализма – буржуазии как суммы живых личностей» [9, с. 480]. Коммунизм воспринимается и как главное орудие достиже-

ния нового светлого царства, и как само это царство. Именно поэтому все действия, исходящие от новой власти, оправдываются. Страдания, голод, убийства людей – лишь испытания, необходимое очищение перед наступлением Царства Божьего, это то самое *адово дно*, пройдя которое человек обретет счастье нового мира.

Герой романа «Воскрешение Лазаря» Николай Кульбарсов, живущий в советской России, оправдывает Гражданскую войну, репрессии, видя в них то необходимое зло, которое только и способно прекратить зло еще большее, он воспринимает братоубийство как попытку народа призвать Бога («Большевики оказались правы, то, что они делали, необходимо. Иначе Господу было не объяснить, что Его второе пришествие больше нельзя откладывать ни на минуту, надо идти и спасать» [11, с. 189]). Народ, разделенный на идущих по пути коммунизма и их врагов, приближает пришествие Христа, но не в соборном единении, а, напротив, в своей разобщенности: первые тщательно и безжалостно истребляют противников, вторые принимают страдания, надеясь быть воскрешенными своими палачами. Н. Кульбарсов развивает идею о ведущей роли органов власти в деле воскрешения людей («надежда именно на ЧК. <...> вы должны узнать об этом человеке все, вывернуть его наизнанку <...> Убивая человека, вы должны оставить с избытком, чтобы, когда придет время, его без затруднений можно было восстановить <...> Сами палачи прежде отцов восстанавливают тех, кого они убили. Жертвы еще на следствии усыновляют собственных палачей» [11, с. 78]). Таким образом воплощается призыв максималистски настроенного Платонова прекратить одно зло другим, взаимно уравновесив их.

Главный герой, письма которого и составляют роман, называет себя учеником Фёдорова, он живет на кладбище в Рузе и занимается делом воскрешения своего родителя. Но уже в начале произведения его уверенность в собственном деле ослабевает и он приходит к неутешительным выводам: «наверное, и в самом деле умершим воскресение не нужно, нужно оно <...> тем, кто воскрешает. Нам жизнь еще дорога, и нам кажется, что и другим она тоже нужна. <...> То есть, понимаешь, Анюта, у меня меньше и меньше сомнений, может ли человек воскресить другого человека, но надо ли это

делать – я не знаю. И тут даже не важно, кто воскрешает, человек или Бог» [11, с. 48].

Владимир Шаров утверждает платоновский взгляд на советское время как единственно верный: одновременно совмещающий веру в новую власть и выносящий ей вердикт («эта вещь [«Котлован»] показалась мне тем окончательным, не подлежащим обжалованию приговором, которые власть сама так любила» [12]). Он развивает идеи Платонова о необходимости борьбы и невозможности сосуществования двух миров: старого и нового. Он продолжает жизнь платоновских героев в пространстве собственного текста, реализуя их извечные поиски преодоления смерти (воскрешение Лазаря Кагановича), но при этом приводя их к пониманию бессмысленности вечной жизни.

В обращении Владимира Сорокина к платоновскому тексту прослеживается совершенно иной подход. В основе писательской стратегии лежит прием деконструкции пре-текста, автора интересует его форма, сделанность. В романе «Голубое сало» нами анализируется рассказ «Предписание» – произведение Платонова-3, клона писателя. Уже в его описании обнаруживается перевернутый платоновский мотив: клон представляет собой «стол из человеческой плоти» [8, с. 19], то есть человек овеществляется, в творчестве Платонова, напротив, вещи и механизмы одушевляются: «закричал и заплакал паровоз ФД. Он пел в зимней тьме глубокою силою своего горячего живота и затем переходил на нежное, плачущее человеческое дыхание, обращаясь к кому-то безответному» [6, с. 359]. Также в рассказе встречаются прямые цитации мотивов и героев платоновских текстов. Отношение персонажа «Предписания» Бубнова к ломтевозу повторяет платоновский мотив родственной связи человека и машины («Чевенгур», «В прекрасном и яростном мире», «Бессмертие», «Старый механик» и др.). Время действия рассказа – время революционной борьбы («Чевенгур», «Сокровенный человек» и др.). Главными героями «Предписания» становятся сподвижники новой власти Бубнов и Зажогин (ср. Копенкин, Чепурный, Чиклин и др.), их противниками – «дети природы» и контрреволюция как абстрактная сила, среди второстепенных персонажей встречаются инвалиды, стремящиеся принести пользу революции (ср. Козлов из «Котлована»),

умирающая мать (ср. Юлия из «Котлована»), умирающий ребенок («Котлован», «Счастливая Москва»).

Но главным героем сорокинской деконструкции становится язык Платонова. Опираясь на исследования Ю. И. Левина [2] и М. Ю. Михеева [3], можно выделить ряд особенностей платоновской грамматики и словоупотребления, на которых строится язык «Предписания». Приведем некоторые примеры, встречающиеся в тексте романа «Голубое сало»:

1. Ненормативное использование валентностей слов («серьезно полез в карман» [8, с. 53], «я теперь с Вологды» [8, с. 54], «по махре обижаешься» [8, с. 56]).
2. Абстрактное определение при конкретном существительном («буржуазный голос», «классовый рев топки» [8, с. 53], «для солидарного сцепления», «бесчеловечная равнина, поросшая тоскливыми травами, угнетенными солнцем и ветром» [8, с. 54]).
3. Избыточность определений, придаточных или обстоятельств причины, цели, места, а также конструкции: «физическое», чтобы «ментальное», «частное», чтобы «общее» [2] («Степан обернулся, чтобы предъявить свое классовое превосходство» [8, с. 53], «ребенок из-за близости рельса продолжал глубоко спать в животе», «пар <...> бил из дырявого котла во внешнее пространство» [8, с. 56], «валясь на пол по объективному закону Ньютона» [8, с. 59]).
4. Замена конкретного существительного собирательным («контрреволюция на щепу разнесла» [8, с. 54], «спросил непонятный народ» [8, с. 56]).
5. Указания на душевные переживания при выполнении каких-либо действий («уважительно заглянул» [8, с. 54], «с сочувствием подползая к ревушей топке» [8, с. 55]).
6. Конструирование словосочетаний по типу языка официальных документов («зависть к беспрепятственному преодолению пространства» [8, с. 56], «в пользу выздоровления врагов капитала» [8, с. 57], махорка – «вредный пережиток», курить – «втягивать в себя непитательный дым» [8, с. 58]).

Создавая новый текст на основе особенностей языка платоновских произведений, Сорокин нарочито лишает

«Предписание» какого-либо смысла: за видимостью связного рассказа скрывается фикция. Писатель деконструирует платоновский текст, препарировывает знак на означаемое и означающее (именно последнее, «голая буквальность» [1, с. 275], становится основой нового текста), тем самым Сорокин возводит определение Р. Барта в абсолют: «Определяющим для мифа становится не предмет его сообщения, а способ, которым оно высказывается» [1, с. 265]. Целью деконструкции является демифологизация фигуры автора. Но о каком авторе идет речь? Заставляя читателя принять означающее за знак, предлагая ему форму без содержания, одну лишь платоновскую узнаваемость, Сорокин демифологизирует не писателя Андрея Платонова, а Андрея-Платонова-в-сознании-читателя, то, чем становится автор в представлении обывателя, когда индивидуальный стиль перерождается в набор штампов. Здесь стоит вспомнить цитату из Ф. Ницше, вынесенную в качестве эпиграфа к роману «Голубое сало»: «В мире больше идолов, чем реальных вещей, это мой “злой взгляд” на мир, мое “злое ухо”...» [8, с. 5]. Убивая идола, низвергая читателя с его затертым восприятием, Сорокин актуализирует смысл и содержание платоновского текста, отсутствие которых в структуре созданного произведения становится значимым.

В рассмотренных романах платоновский текст по-разному входит в структуру произведений, авторские стратегии также направлены на различные стороны пре-текста: на содержание и форму. Несмотря на это, причины обращения писателей к творчеству Андрея Платонова кажутся нам схожими: они коренятся в самобытности платоновского таланта, вневременной ценности его творчества (В. Шаров обращается к нему как к единственно верному объяснению описываемого им времени, делая платоновский текст идейной основой своего романа, В. Сорокин нацелен на освобождение автора от штампов времени и читательского восприятия).

Список литературы и источников

1. *Барт Р.* Мифологии. М., 2008.
2. *Левин Ю. И.* От синтаксиса к смыслу и далее (о «Котловане» А. Платонова) // Вопросы языкознания. 1991. № 1. С. 170–173.

3. *Михеев М. Ю.* В мир Платонова через его язык. Предположения, факты, истолкования, догадки. М., 2003.
4. *Платонов А.* «Жить ласково здесь невозможно». Публ. М. А. Платоновой, вступ. ст. Н. Корниенко // Октябрь. 1999. № 2. См.: <http://magazines.russ.ru/october/1999/2/platon.html> (дата обращения 15.10.14)
5. *Платонов А.* «Коммунизм и сердце человека» // Свободный пахарь. Задонск, 1922. 6 янв. С. 3–4.
6. *Платонов А.* Счастливая Москва: Роман, повесть, рассказы. М., 2011.
7. *Платонов А.* Чевенгур. Котлован. Рассказы. М., 2007.
8. *Сорокин В.* Голубое сало. М., 2008.
9. Статьи А. Платонова в задонской газете «Свободный пахарь» / Подгот. текста и вступ. ст. О. Алейникова // «Страна философов Андрея Платонова»: проблемы творчества. Выпуск 6. М., 2005.
10. *Фёдоров Н. Ф.* Соч. М., 1982.
11. *Шаров В.* Воскрешение Лазаря. М., 2003.
12. *Шаров В.* Памяти Пролетарской Силы (Андрей Платонов) // Знамя. 2009. См.: <http://magazines.russ.ru/znamia/2009/8/sh12.html> (дата обращения 15.10.14)